

ИЗ ГРЕШНЫХ ЗАПИСОК

В кино я начал сниматься в 1954 году. В первой картине («Доброе утро») я сыграл роль помощника экскаваторщика. В фильме «Гость с Кубани» я уже был помощником комбайнера. Потом играл милиционера. И попал в такую орбиту, где играл, как я их называю, в полуцветных, полухудожественных, полумузыкальных фильмах. И играл довольно долго.

И вот однажды звонит мне Лика Авербах из «Мосфильма» и говорит, что со мной хочет познакомиться Михаил Ильич Ромм. А я знал, что попасть к нему в картину почти невозможно. Но раз зовут, надо ехать. Приезжаю. Лика взяла меня за ручку и привела в павильон.

— Жди, — говорит.

Сел я и слышу за декорациями знакомые голоса: что-то там репетируют. Выбегает Михаил Ильич Ромм, в серой рубашке, мятых брюках, смотрит на меня, спотыкается и говорит:

— Ой, что ты, Лика, я же его знаю! Мне ведь нужно мурло, а Левочка такой симпатичный!

Тут вылетает из-за декораций мой учитель по Школе-студии МХАТ Сергей Капитонович Блинников, слышит последнюю фразу и начинает протестовать:

— Какое мурло, Миша? Смотри, какой красавец! Я его за красоту и держал у себя на курсе!

— Вот и я говорю, что он красавец, — соглашается Ромм. — А мне нужно мурло.

И Блинников без паузы:

— Какой красавец? Ты что, не видишь, какое мурло? Какой страшный! За мурло-то я и держал его на курсе!

Чувствую, краснею. И говорю:

— Михаил Ильич, я пойду.

А они все спорят: мурло — не мурло, красавец — не красавец. И тут раздается такой знакомый тихий голос:

— Ну стоп, хватит. Левочка, ты утверждён.

Поворачиваюсь: Леша Баталов!

Ромм не стал спорить.

— Ну что ж, — сказал, — раз они говорят, что вы утверждены, куда ж мне деваться? Вы утверждены.

— Михаил Ильич, — говорю, — не надо...

— Нет-нет, пойдёмте смотреть материал.

И мы пошли смотреть отснятый материал. Это было потрясающе. Я ничего подобного до того времени не видел. Там была сцена, где Баталов рассказывает, как он делал атомную бомбу. Этот кусок потом пересняли: начальству не понравилось, что герой сильно облучился. Там еще был иконостас, который заставили убрать, и его заменили телевизором. Но и переснятая сцена была не менее потрясающей.

После просмотра меня спросили:

— Ну и как тебе?

И я даже не мог ответить, пробурчал что-то банальное, вроде: «Замечательно...»

Так я вошел в фильм «Девять дней одного года».

Ромм, Ромма — 1998. — 25 Дек. — с. 15